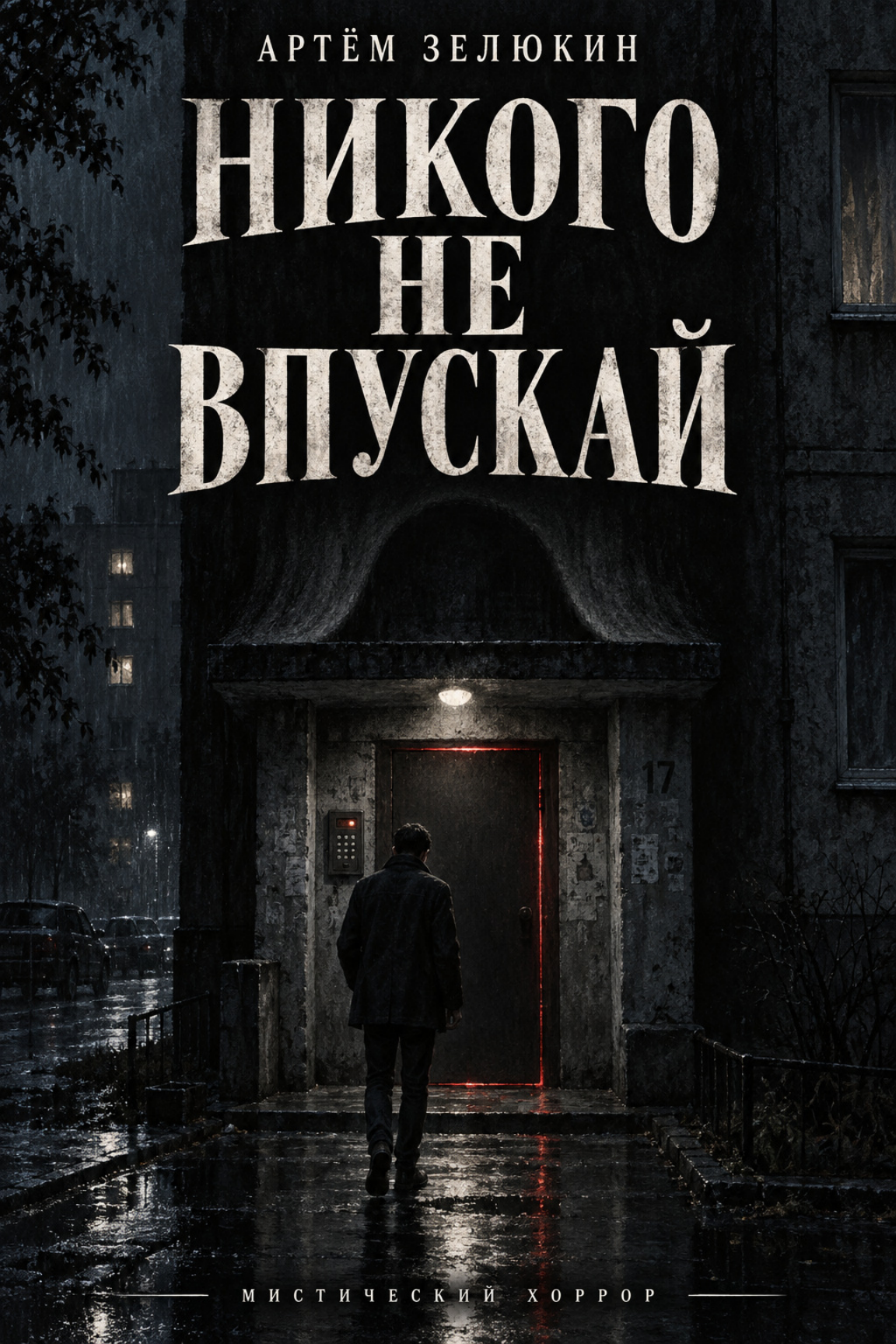

АРТЁМ ЗЕЛЮКИН
НИКОГО НЕ ВПУСКАЙ
17
МИСТИЧЕСКИЙ ХОРРОР

АРТЁМ ЗЕЛЮКИН

Никого не впускай

Мистический хоррор

Иллюстрированное издание
2026

Аннотация

Сто семь лет под землёй. Один вдох — и чужая кровь на губах.

В 2026 году Илья Корнев просыпается в подвале заброшенной больницы. Его дома больше нет. Родные давно умерли. В городе, где каждый подъезд смотрит на улицу камерой, человеку без документов трудно затеряться. Вампиру без пульса — ещё труднее. А каждая капля человеческой крови приносит Илье чужие воспоминания.

Но по ночам в Меловске происходит нечто страшнее. Домофоны говорят голосами умерших. Вдовы снова накрывают на двоих. Центр «Тихий дом» обещает вернуть тех, с кем не успели проститься.

Фельдшер Лена Зотова слышит за своей дверью брата, которого похоронила почти год назад. Илья знает, почему нельзя открывать. Он уже встречал того, кто собирает мёртвые голоса. И когда-то сам помог ему.

Чтобы войти, им нужно только одно: чтобы кто-нибудь сказал «заходи».

Все персонажи и события вымышлены.

Оглавление

1 Нулевой пульс 6

2 Дома больше нет 12

3 Ночная цена 16

4 Голос внизу 21

5 Возвращённый 26

6 Гостеприимство 30

7 Внучка 35

8 Правильные вопросы 39

9 Место за столом 43

10 Второе время 49

11 За дверью 53

12 Девятая палата 57

13 Хозяйка 62

14 Прежде чем стемнеет 66

15 Последний вечер дома 70

16 Приёмные часы 74

17 Оставшиеся 78

18 Мишин голос 82

19 Цена тишины 87

20 Ручной привод 91

21 До первого света 96

22 После 102

23 Ночь с живыми 106

Глава 1

Нулевой пульс

Первым звуком нового мира оказалась болгарка.

Она визжала над самым лицом, за камнем, и Илья сперва решил, что это снова снаряд: сейчас задрожат стёкла, Вера схватит его за рукав, а со стола поползёт эмалированный таз. Но стёкол не было. Рукав истлел. На груди лежало что-то тяжёлое, и вокруг этого тяжёлого за сто лет успела вырасти боль.

— Здесь плита, — сказал мужчина. — Видишь, буквы.

— Начальник сказал к утру разобрать. Вот и разбирай.

За камнем зашуршали подошвы. Илья попытался вспомнить, что такое утро. Вспомнил белое пятно на стене, ложку в стакане, женскую руку, прикрывающую глаза. Потом память кончилась.

— Смотри. «Не открывать». А дальше замазано.

— На сарае тоже написано.

Камень сдвинулся.

Свет был маленький, холодный. Мужчина держал его в руке, и луч качался вместе с пальцами. Илья увидел над собой круглое лицо с обломанным передним зубом. На голове у мужчины сидела жёлтая скорлупа.

— Стас.

— Чего?

— Тут человек.

Илья понял, что говорят о нём, с удивлением, почти с облегчением. Ещё человек.

Свет прошёл по его впалым щекам, по открытым глазам, по чёрному стержню, уходившему под грудину. Поперёк стержня стояла скоба. Когда мужчина потянул за неё, где-то далеко, в забытом теле Ильи, отозвались пальцы ног.

— Не трогай, — сказал второй.

Первый уже дёрнул.

Железо вышло с влажным звуком. Илья сел.

Потом он долго пытался восстановить последовательность. Каска ударилась о стену. Маленький свет упал и продолжал светить с пола. Мужчина поднял руки, защищая лицо. На запястье у него открылась царапина, совсем короткая, не длиннее ногтя.

Илья услышал кровь.

Мир сузился до этой царапины. Он ещё не мог вспомнить собственного имени, но уже знал, куда надо прижать рот. Мужчина закричал. Илья держал его руку обеими ладонями и пил, чувствуя, как под кожей расправляются сухие жилы.

На мгновение он оказался в чужой кухне. За столом сидела девочка лет восьми, выковыривала из каши изюм и говорила: «Пап, только в этот раз точно приходи». На холодильнике висел рисунок лошади с шестью ногами.

— Паша! — закричал второй мужчина. — Паша!

Имя разорвало кухню.

Илья оттолкнул руку. Мужчина упал на колени. Кровь текла сквозь пальцы, которыми он зажимал запястье. Илья смотрел на неё и не двигался: если пошевелиться, можно было снова захотеть.

Он произнёс первое слово за сто семь лет:

— Тряпку.

Второй мужчина замахнулся ломом.

— Чистую, — добавил Илья.

Лом ударил его по плечу. Боли почти не было. Илья вырвал железо, отбросил и разорвал на полосы рубаху под курткой пострадавшего. Пальцы действовали сами. Эти движения были старше голода: прижать, поднять руку, следить за глазами. Он помнил, как не дать человеку умереть, хотя ещё минуту назад сам делал всё для обратного.

Сверху кричали. Где-то захлопнулась дверь.

— Скорую, — сказал Стас в плоскую чёрную вещь у щеки. — Быстро. Старый тубдиспансер. За котельной вход. Тут… тут нападение.

Илья оглянулся на каменную нишу.

У изголовья лежала полоска выцветшей ткани. Когда-то ткань была синей. На ней сохранился один узел, завязанный маленькими, очень сильными руками.

Вера.

От имени стало больнее, чем от вынутого железа.

Он взял ленту и спрятал в кулаке.

* * *

Фельдшер приехала в синей куртке со светящимися полосами. Короткие волосы были кое-как собраны на затылке. На переносице осталась красная вмятина от очков. Она опустилась рядом с Пашей, не спросив сначала ничего, и Илья сразу узнал в ней человека своей работы.

— Кто перевязывал?

Стас ткнул пальцем.

Фельдшер посмотрела на Илью. На его дырявую рубаху, высохшую кровь, босые ноги.

— Ещё один. Серёж, носилки пока подожди. Мужчина, как вас зовут?

Илья знал ответ. Надо было только добраться до него сквозь запах её шеи.

— Корнев.

— Имя?

— Илья.

— Меня Лена. Сядьте, Илья. На этот ящик.

Она сказала это обыкновенно, без страха, и он сел.

В её кармане хрустела обёртка. На правом манжете было тёмное пятно от кофе. Такие вещи возвращали миру размеры. Манжет, ящик, чужая смена, которую он испортил.

Лена взяла его запястье. Подержала. Нахмурилась и положила пальцы ему на шею.

— Вы что-нибудь принимали?

— Нет.

— Сердечные препараты? Наркотики?

— Нет.

Она достала небольшой прибор, надела ему на палец. Прибор пискнул и ничего не показал.

— Холодный совсем, — сказала она водителю. — Принеси одеяло.

Паша за её спиной закашлялся. Илья повернулся на звук, и Лена заметила это движение: слишком быстрое, с неподвижными плечами.

— Смотрите на меня, — произнесла она тише. — Что произошло в подвале?

— Какой сейчас год?

— Две тысячи двадцать шестой.

Он смотрел на неё.

— Сентябрь, — добавила Лена. — Двадцать третье. Вы понимаете, где находитесь?

Снаружи загремело железо. Рабочий отодвинул лист, закрывавший подвальное окно.

На стене появился серый прямоугольник предрассветного неба.

Илья встал.

— Сядьте, пожалуйста.

Он уже слышал приближение солнца. Слышал его кожей, обнажённым местом под грудиной, тем, что проснулось в животе и успело согреться чужой кровью.

— Не открывайте, — сказал он.

Лена решила, что он обращается к рабочему.

Потом Илья исчез.

Не растворился и не превратился в дым. Он метнулся к дальнему проходу так быстро, что Лена успела увидеть только босую пятку. Через секунду наверху хлопнула служебная дверь.

Водитель вернулся с одеялом.

— Где второй?

Она подняла с ящика прибор. На чёрном экране ещё мигала ошибка.

— Ушёл.

— В таком виде?

Лена посмотрела на тёмный проход.

— Серёж. Он со мной разговаривал.

— Я слышал.

— А пульса у него не было.

Водитель ничего не ответил. За четверть века на скорой он научился не обсуждать невозможное до конца смены.

У машины их ждал мужчина в светлом плаще. Хотя земля после ночного дождя раскисла, обувь у него оставалась совершенно чистой.

— Представитель собственника, — сказал он и показал удостоверение, которое Лена не успела прочесть. — Что с нашим рабочим?

— Жив. Отойдите от двери.

Мужчина послушно отступил.

— А второй?

Лена подняла глаза.

— Вы знаете второго?

Человек в плаще помедлил ровно столько, сколько требовалось, чтобы выглядеть удивлённым.

— Мне сказали, пострадавших двое.

Лена захлопнула дверь. Сквозь стекло она увидела, как мужчина подошёл к котельной и поднял с земли длинный чёрный стержень. Держал он его осторожно, за самый конец.

Паша на носилках открыл глаза.

— Не отдавайте меня ему, — прошептал он.

Глава 2

Дома больше нет

На месте дома стоял магазин матрасов.

Илья узнал перекрёсток по липе. Она стала толще, нижние ветви спилили, а трещину в стволе замазали серым. Всё остальное переставили. Убрали колодец, снесли забор вдовы Сыромятниковой, закатали землю в чёрный камень. За огромным стеклом лежали пустые постели с подушками, на которых никто не спал.

Он прижал ладонь к витрине.

Здесь стояла печь. Левее, где теперь висела красная табличка, Вера зашивала ему рукавицы. По воскресеньям пахло яблочной кожурой: она сушила её на противне, уверяя, что зимой будет чай как у богатых.

Над витриной горело: «ВАШ ЗДОРОВЫЙ СОН».

Илья почти рассмеялся.

Потом за крышами посветлело, и ему стало не до смеха.

Он пошёл вниз, к реке, держась теневой стороны. Машины проносились без лошадей, и каждый раз тело готовилось прыгнуть, хотя разум уже начал понимать, что это просто повозки. У женщины в руке разговаривал светящийся прямоугольник. На столбе вращался чёрный глаз.

Люди проходили рядом, уткнувшись в свои огни. Никто не кричал. Никто не тыкал пальцем в его разорванную одежду. Одна девушка подняла на него плоскую вещь, что-то сказала в неё, улыбнулась и пошла дальше.

В старом мире пришлось бы прятаться от взглядов. В новом взгляды скользили по нему, не задерживаясь, но маленькие стёкла смотрели постоянно.

Солнце коснулось правой руки.

Боль вспыхнула белым. Кожа стянулась, почернела по краю. Илья бросился в арку и прижал руку к животу. В арке пахло мочой и вчерашним хлебом. Самое прекрасное место на свете.

Дверь подъезда оказалась открыта. Он поднялся на первый пролёт, стараясь не наступать на свет из окна, и сел под лестницей.

Через несколько минут появилась старуха с ведром.

Она посмотрела на его ноги, потом на лицо.

— Опять Витька пустил?

Илья молчал.

— Тут не общежитие. Только пол вымоешь.

Она провела тряпкой рядом с его ступнями. Илья втянул ноги. Рука горела, и в этой боли ещё оставалось что-то утешительное: значит, он не весь принадлежал подвалу.

— Больной, что ли?

— Да.

— В больницу надо.

— Я был.

Старуха вздохнула. Поставила ведро, открыла дверь квартиры напротив лестницы и скрылась за ней. Илья почувствовал тёплый запах: хлеб, пыльная шерсть, человеческая кровь под тонкой старой кожей. Он встал раньше, чем решил встать.

У порога его остановило.

Ничего видимого там не было. Потрескавшаяся краска, полоска линолеума. Но он знал, что ещё один шаг вывернет его наизнанку. Дом был населён. У него был хозяин, который здесь спал и возвращался сюда, называл эти стены своими. Желание Ильи ничего не значило.

Старуха вынесла тапочки и мужскую куртку.

— Мужнины. Чего добру пропадать.

Она подала вещи через порог. Не пригласила.

Илья взял их и опустил голову.

— Спасибо.

— Сиди тихо. И чтобы без бутылок.

Дверь закрылась.

Он сел обратно. В кармане куртки лежали два медных кружка, бумажка с номером телефона и сухая карамель, прилипшая к обёртке. На подкладке сохранился запах человека, которого уже не было в квартире. Илья не знал,

сколько времени мёртвые остаются в одежде. Раньше он об этом не задумывался.

Верхние этажи просыпались. Кашель за стеной, скрип кровати, вода по трубам. В одном из жилищ тихо плакал ребёнок, и женщина сонно повторяла: «Я здесь, я здесь». Эти слова ходили по лестничной клетке вместе с шумом воды.

Илья зажал обожжённую руку между коленями и провалился в сон.

Ему приснилось, что Вера заколачивает крышку.

Она плакала, но работала аккуратно. Забивала каждый гвоздь до конца, проверяла ладонью. Илья хотел сказать ей, что простил, однако изо рта у него выходил голос другого человека.

Человек просил открыть.

* * *

В двенадцать Лена сидела в комнате отдыха и смотрела запись с камеры над котельной.

Стас прислал её сам. Он хотел доказать, что не пьян и не придумал нападение. На записи босой мужчина выскакивал из двери, пересекал двор и останавливался перед полосой света. От его руки поднимался дым.

Лена прокрутила назад.

Кожа дымилась. Не рукав, не обрывок ткани. Кожа.

— Спать иди, — сказал Сергей, заглянув в дверь. — Вторые сутки думаешь.

— Первые.

— Выглядишь как вторые.

Он поставил рядом с ней бумажный стакан.

Лена отпила остывший кофе. На телефоне было три уведомления из банка, рекламное сообщение и старая переписка с Мишей, которую она случайно открыла ещё утром. Последнее сообщение брата состояло из двух слов: «Ты занята?»

Сообщению было десять месяцев.

Она закрыла переписку и набрала приёмное отделение.

— Зотова со скорой. Пострадавший с демонтажа, которого мы в шестом часу привезли. Павел…

— Зуев, — подсказала медсестра. — Переведён.

— Куда?

— Частники забрали. По согласованию. Документы оформили.

— Какие частники?

На другом конце зашуршали бумаги.

— Центр восстановления «Тихий дом».

Лена посмотрела на застывший кадр. Босой мужчина стоял перед солнечной полосой, прижав руку к себе.

— А сам он согласился?

— Лен, я сейчас одна на приём. Вроде да. Подпись есть.

Связь оборвалась.

На экране поверх записи появилось сообщение с незнакомого номера.

«Елена, по поводу сегодняшнего происшествия. Вашему пациенту ничего не угрожает. Спасибо за профессионализм».

Она не успела придумать ответ, когда пришло второе.

«Кстати, ваш брат очень вами гордился».

Глава 3

Ночная цена

Вечером старуха разбудила Илью носком туфли.

— За тобой.

На нижней ступеньке стояла женщина в дорогом сером пальто. Свет из подъездного окна уже не мог повредить Илье, но женщина всё равно выбрала тень. Она держала маленький бумажный стакан двумя руками. Не пила.

— Здравствуй, Илья.

Он не узнал её сразу. Потом она улыбнулась одним уголком рта, и в памяти открылась комната с зелёными обоями. Женщина у рояля. Белая перчатка. Пятно крови на клавише, которое она вытерла, не прерывая разговора.

— Аглая.

— Значит, голова цела.

Старуха осмотрела их обоих.

— Родственница?

— Старшая сестра, — ответила Аглая.

— Так следите за ним. Солнце человеку голову напекло.

— Уже вижу.

Когда они вышли во двор, Аглая отдала Илье пакет. Внутри оказались ботинки, чёрные брюки, рубашка и бутылка с красноватой жидкостью.

Он схватил бутылку.

— Медленнее, — сказала она. — Всё равно не насытишься.

Кровь была свиная, старая, с тяжёлым запахом железа и чего-то кислого. Илья пил, упираясь спиной в стену. Живот сводило. Чужой вкус приглушал голод, но не заполнял пустоту.

— На несколько часов хватит, — сказала Аглая. — Если не станешь бегать. Люди теперь добавляют к крови много всякого. Даже у свиней жизнь непростая.

— Как ты меня нашла?

Она показала телефон.

На экране был он сам, босой, в старой рубахе, на фоне магазина матрасов. Под изображением бежали слова. Аглая провела пальцем.

— Пятнадцать тысяч просмотров. Наш Меловск любит необычное. Половина считает тебя актёром, половина просит вызвать полицию. Один человек уже продаёт такие же рубахи.

Илья смотрел на движущегося себя.

— Это кинематограф?

— Это причина, по которой ты больше никогда не должен выходить голодным на людную улицу.

Он отдал ей пустую бутылку.

— Вера?

Аглая не стала отводить взгляд.

— Умерла. В семьдесят втором.

Он сосчитал. Пятьдесят три года после подвала. Она ещё пятьдесят три года ходила под солнцем. Заваривала чай. Старела. Может быть, перестала его вспоминать.

— Где похоронена?

— Покажу.

— Сейчас.

— Сейчас переоденешься. Потом мы поговорим о том, почему тебя выкопали.

Илья держал пакет у груди, как вещевой мешок при выписке из госпиталя. В стариковских тапочках он чувствовал себя особенно голым.

— Они ломали здание.

— Разумеется. Случайно нашли плиту, случайно вынули железо, случайно порезали руку над твоим лицом. Очень удачное утро для случайностей.

— Рабочий ничего не знал.

— Рабочим редко рассказывают, зачем наняли именно их.

На проезжей части вспыхнули фары. Аглая подождала, пока машина проедет.

— Ланской жив, — сказала она.

Илья почувствовал, как разогретая свиной кровью кожа снова холодеет.

* * *

Её магазин назывался «Второе время». За стеклом стояли часы, у большинства не было стрелок. Внутри пахло старым деревом, камфорой и деньгами, которые долго лежали в чужих карманах.

Аглая задвинула жалюзи и провела Илью в заднюю комнату.

— Здесь можно переждать день. Лестница общая, магазин нежилой. А в ту дверь не ходи.

Илья посмотрел на неприметную дверь у сейфа.

— Ты здесь спишь?

— Иногда. И тебя пока не приглашаю.

Он кивнул. Объяснения не требовались.

На столе лежали паспорта. Аглая убрала их в ящик прежде, чем он успел разглядеть лица.

— Не думай, что я сейчас выдам тебе новую жизнь. У человека должна быть история. Где учился, где лечился, откуда получает деньги. Раньше можно было приехать с чемоданом и назвать чужую фамилию. Теперь даже чемодан помнит, кто его купил.

— Ты покупаешь людям документы?

— Я покупаю вещи, которые им жалко продавать. Иногда это почти одно и то же.

Она поставила перед ним стакан с другой кровью.

Илья не притронулся.

— Чья?

— Человеческая. Сдана добровольно. За деньги, что не отменяет первого слова.

— Откуда ты знаешь?

— Достаточно давно этим занимаюсь.

Он поднял стакан. Запах сделал её сомнительный ответ неважным, и именно это напугало его больше всего.

Первый глоток принёс белый потолок и гул вентилятора. Второй — руку с обручальным кольцом, снимающую ценник с детских сапог. Женщина думала, хватит ли остатка на продукты. Потом чужая жизнь схлопнулась, оставив сладкую боль за глазами.

— Не бери много от одного, — сказала Аглая. — Начнёшь путать себя с ним.

— Я помню.

— Нет. Ты помнишь, что я когда-то это говорила. Это разные вещи.

Илья поставил пустой стакан. Обожжённая рука перестала болеть. Края раны стянулись, но посередине осталась тёмная трещина.

— Ланской знает, что ты здесь? — спросил он.

Аглая долго вытирала стол, на котором не было ни капли.

— В этом городе трудно жить сто лет и не знать друг о друге.

— Ты работаешь на него.

— Я живу рядом с ним. Пока что.

Она достала конверт. Внутри лежал ключ и листок с адресом.

— Анна Глебовна Шатрова. Вера была её бабушкой. Она знает кое-что, чего ты сейчас не помнишь.

Илья взял листок.

— Почему сразу не сказала?

— Потому что хотела сначала посмотреть на твои глаза.

Он поднял голову.

Аглая смотрела внимательно, без своей лёгкой усмешки.

— Когда в них начнут смотреть другие, — сказала она, — я помогать перестану.

Глава 4

Голос внизу

Лена удалила сообщение, потом восстановила его из корзины и сделала снимок экрана.

Весь день она объясняла себе, откуда незнакомец мог узнать о Мише. В интернете осталось объявление о похоронах. Были фотографии, подписи друзей, её собственный пост, который она написала на третьи сутки без сна. В нём она обещала брату, что будет жить за двоих. Через неделю ей стало стыдно за эту громкую фразу, но удалить пост оказалось ещё тяжелее.

Она заблокировала номер.

В половине одиннадцатого зазвонил домофон.

Лена стояла на кухне и пыталась оттереть засохшее пятно на плите. Звонок повторился. Она нажала кнопку разговора, собираясь объяснить очередному курьеру, что четвёртый подъезд с другой стороны.

— Ленк.

Тряпка осталась у неё в руке.

— Ленк, открой. У меня руки заняты.

Голос Миши был недовольным, чуть сонным. Именно так он говорил, когда приезжал с пакетами от матери. В конце фразы тихо щёлкнуло: он по привычке чмокнул рассечённой губой. После велосипеда у него остался шрам, и это едва слышное движение сопровождало каждое долгое предложение.

— Кто это?

— Да я. Ты чего?

Она посмотрела на маленький экран.

У двери стоял брат.

Камера показывала его сверху: макушку, левый висок, поднятое лицо. Он был в синей ветровке, в которой ходил последние два года. На груди темнело пятно. Лена заставила себя подумать, что это тень от козырька.

— Миша умер, — сказала она.

— Я знаю. Очень холодно было, Лен. Открой.

Она опустила руку к кнопке замка.

И тут на лестничной площадке кто-то ударил в её дверь.

— Не отвечайте ему!

Лена отшатнулась.

Голос в домофоне стал тише.

— Он не хочет, чтобы мы увиделись.

— Кто?

— Тот, что у двери. Он убивает людей.

В глазке стоял утренний пациент. Теперь в чистой рубашке, в куртке с чужого плеча. Он прижимал ладонь к двери так, будто чувствовал, что происходит за ней.

— Это Корнев, — сказал он. — Илья. Вы были утром.

Лена разжала пальцы. Тряпка упала на пол.

— Откуда вы знаете мой адрес?

— Я шёл за вами от станции. Мне нужно было спросить о рабочем. Потом услышал звонок.

Она ненавидела его за это признание: за слежку, за спокойствие, за то, что он существовал именно сейчас, когда внизу стоял Миша.

— Уходите.

— Хорошо. Только не зовите того, кто внизу.

Из домофона донёсся кашель. Миша кашлял долго, срываясь на хрип, как на записи последнего звонка из общежития. Лена прижала кулаки ко рту.

Илья за дверью замолчал. Потом спросил:

— Когда вы смотрели, он дышал?

— Что?

— Холодная ночь. У людей идёт пар.

Она посмотрела на экран. Миша стоял неподвижно. Губы шевелились, но перед лицом ничего не белело.

— Как и у вас, — сказала Лена.

— Как и у меня.

В этом ответе не было попытки успокоить.

— Лен, — прошептал домофон. — Ну пожалуйста. Я же к тебе шёл.

Илья снова заговорил, осторожно, словно подбирался к человеку на краю крыши: